Абыякая О.В.

Актуализация признаков концептов-мифологем

(на материале Национального корпуса русского языка)

Опубликовано в: Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования. Под редакцией Н.Р. Добрушиной. Москва 2007. С. 129-135.

В современной лингвистике наблюдается повышенный интерес к проблеме связи языка и культуры, ставшей центральной для тех направлений, которые решают прикладные задачи описания языка с целью его преподавания инофону (носителю другого языка). Это характерно и для современной теории и практики совокупности дисциплин, которую традиционно принято называть “Русский как иностранный”. «Изучающие иностранный язык обычно стремятся прежде всего овладеть еще одним способом участия в коммуникации. Однако, усваивая язык, человек одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое изучаемым языком» [Гудков, 2000: 5]. При этом важно то, что описание русской культуры для инофона должно отличаться от ее описания для русского, представления же о тех или иных феноменах, существующие в национальном культурном сознании, зачастую серьезно отличаются от тех представлений об этих феноменах, которые могут сложиться на основе сведений, добытых из энциклопедий и специальной литературы. Эти «наивные» представления не всегда принимаются во внимание при ознакомлении иностранца с русской культурой [там же: 29].

Отражение обиходных (обывательских, житейских, бытовых) представлений о мире, а также тех черт внеязыковой действительности, которые «представляются релевантными для носителей культуры» [Шмелев, 2002: 296], принято называть языковой, или наивной, картиной мира [см., в частности, Апресян, 1995; Яковлева, 1994]. Изучение отображенной в языке картины мира занимает в современной науке особое место, поскольку направление практически всех исследований определяет антропоцентрический подход, а язык представляет собой важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. В основе картины мира, как отмечается, лежат ментальные образования разной природы, которые могут получать разное языковое воплощение, – *концепты* [см., например, Прохвачева, 2000: 3]. В настоящей статье рассматриваются такие концепты, как *мифологемы*. Единицами лингвистического анализа служат *слова-мифологемы*.

Слова-мифологемы, по мнению А.П. Бабушкина, дают возможность увидеть, что такое концепт в явном своем проявлении, поскольку они эксплицируют его сущность, «выявляют конструктивно-технический план этого феномена». Это идеальные образцы, выстроенные в сознании [Бабушкин, 1996: 39-41]. Слова-мифологемы (бестиарии, по терминологии В.В. Красных) входят в так называемый биоморфный код культуры, принадлежат «вторичной реальности» русского фольклора, являясь «неотъемлемыми элементами культурного пространства». Возможно «апеллирование к их образам в дискурсе», поскольку они обладают стереотипами [Красных, 2002: 253-254].

Слова-мифологемы (*домовой, ведьма, русалка* и другие) характеризуются отсутствием референта и представляют особый интерес в аспекте изучения связи языка и культуры благодаря наличию представления о них в сознании носителей языка, которое реализуется в различных контекстах художественных произведений, публицистики и разговорной речи, актуализируя те или иные дифференциальные признаки понятия.

Для того чтобы выявить национальную специфику концепта, необходим сопоставительный анализ, т.е. анализ репрезентации одного и того же концепта в разных языках. Однако этому должно предшествовать выявление и раскрытие содержания концепта, системное описание его признаков в национальном сознании одного конкретного народа, что позволяет сделать метод концептуального анализа.

Цель такого анализа определяется также как изучение способности исследуемых единиц отображать культурное самосознание русского народа и черты его менталитета.

Концептуальный анализ слов-мифологем дает возможность не только выявить базовые оппозиции, характерные для русской культуры и сознания (такие, как «свой – чужой»), культурные ценности общества, но и описать наивные языковые представления носителей русского языка, сложившиеся под воздействием национального мировидения и мировосприятия.

Важным этапом концептуального анализа слов-мифологем является выделение содержательного минимума концепта, осуществляемое на базе словарных дефиниций слова-мифологемы, анализа обиходных контекстов употребления, включающих пословицы, поговорки, поверья, записи разговорной речи, телепередач и цитаты из художественной и публицистической литературы, что позволяет выявить актуализирующиеся семантические признаки, ассоциации и коннотации.

В настоящее время появляется все больше работ, в которых исследуются различные концепты (как индивидуальные, так и национально-специфичные). Часто это делается на

материале художественных или публицистических произведений. Обращение к Национальному корпусу русского языка позволяет быстро проанализировать максимальное количество текстов самого разного типа, относящихся к различным эпохам (от середины XVIII до начала XXI века), с целью выявления актуализирующихся признаков концептов, что делает возможным наиболее полно представить отдельный фрагмент русской языковой картины мира. Проиллюстрируем это на примере анализа контекстов употребления слова-мифологемы *ведьма* в художественной и публицистической литературе, представленной в Национальном корпусе русского языка.

Слово-мифологема *ведьма,* по данным словаря М. Фасмера, произошло от др.-рус. *ведь* – ‘колдовство, ведовство, знание’ и является однокоренным с глаголом *ведать* [Фасмер, I, 285], а *ведать*, как указывает В.В.Колесов, не равнозначно *знать*, поскольку для современного глагола *знать* важна информация, а *ведать* для русского человека — это ‘обладать знанием, недоступным для непосвященных’ [Колесов, 1999]. С.А. Аскольдов отмечает, что не случайно Олег у А.С. Пушкина определяется однокоренным с *ведьмой* эпитетом *вещий*, а не *знающий* [Аскольдов, 1997: 275].

Содержательный минимум концепта слова-мифологемы *ведьма* — это (в мифическом сознании) ‘*женщина, обладающая особыми знаниями и колдовскими способностями’*. Этот концепт реализуется, например, в художественной литературе:

У отца моего далеко сердце, он не достанет до него. У него сердце из железа выковано. Ему выковала одна ***ведьма*** *на пекельном огне…*[Н.Гоголь. Страшная месть].

«Венера! Венера! – победно прокричала Наташа, подбоченившись одной рукой, а другую простирая к луне, – Маргарита! Королева! Упросите за меня, чтоб меня ***ведьмой*** *оставили, Вам все сделают, Вам власть дана!»* [М.Булгаков Мастер и Маргарита].

Алина Федоровна кивала с важностью: "Да, ведьма. И горжусь, что ***ведьма****". Ее сестра соглашалась: да,* ***ведьма****, весь наш род такой, ведьминский. Быть* ***ведьмой*** *считалось чуть ли не заслугой* [Ю.Трифонов. Дом на набережной].

Мешок был полон травы, которую она долго перебирала, сортировала, перемалывала. Потом разложила все по марлевым мешочкам, завернула их в белую бумагу и стала по горсткам варить. Паша все принюхивалась, ворчала: «Ну, Бухара, ***ведьма*** *азиятская!» Бухара молчала, молчала, потом села на корточки в кухне и, прислонясь к стене, как она любила сидеть, сказала Паше: «Паша, у меня болезнь смертельная. Я сейчас умереть не могу, как Милочку оставлю … Я с травой еще шесть лет буду жива, потом умру. Мне старик траву дал, святой человек. Не* ***ведьма****»* [Л.Улицкая. Дочь Бухары].

Ведьме приписывалась способность насылать порчу на людей, домашних животных, растения, продукты и т.п. В устойчивых выражениях и поверьях русского народа, а также в литературе актуализируется признак обладания злой силой:

И одна старушка-соседка сказала: «Видно, это прилетела ***ведьма*** *на метле и заколдовала девочку. Но не беспокойтесь, я тоже умею расколдовывать»* [Л.Петрушевская. Сказка про веник и палку].

Угадала бедная панночка, что мачеха ее ***ведьма*** *и что она ей перерубила руку. ... Тогда только зарыдала панночка, закрывши руками белое лицо свое: «Погубил ты, батьку, родную дочку свою! Погубила* ***ведьма*** *грешную душу твою!..»<...> «Парубок, найди мне мою мачеху! Она страшная* ***ведьма****: мне нет от нее покою на белом свете. Она мучила меня, заставляла работать, как простую мужичку. Посмотри на лицо: она вывела румянец своими нечистыми чарами с щек моих…»* [Н.Гоголь Майская ночь, или Утопленница].

Главным вредным свойством *ведьмы* считалась способность портить скот и отбирать у коров молоко. Ср.:

Он [коровий пастух Тымиш] не преминул рассказать, как летом перед самою Петровкою, когда он лег спать в хлеву, подмостивши под голову солому, видел собственными глазами, что ***ведьма*** *с распущенною косою, в одной рубашке, начала доить коров, а он не мог пошевельнуться, так был околдован; подоивши коров, она пришла к нему и помазала его губы чем-то таким гадким, что он плевал после того целый день* [Н.Гоголь. Ночь перед Рождеством].

Это не значит, что ***ведьмы*** *лезут прямо в коровник. Для того чтобы забрать чужое молоко, они большей частью перевернут на собственном дворе борону, да и доят прямо за зубья, а задумывают при этом на чью-нибудь корову. Из бороны молоко льется, а у коровы пропадает* [Н.А. Тэффи. Домашние].

Пресуппозиция, существующая в языковом сознании, ‘страх перед инакомыслящими’, реализуется в таком известном выражении, как *охота на ведьм/за ведьмами* (организованное преследование кого-либо):

Практически все газеты с первых послепутчевых дней предостерегают против охоты на партийных ***ведьм*** [Час пик. 09.09.1991].

Обычно ведьму представляли себе старой и безобразной, с седыми растрепанными волосами, крючковатым носом, костлявыми руками, иногда с телесными недостатками (горбатость, хромота) [Славянская мифология, 1995: 71]. Портретные характеристики этого образа актуализируются в таких контекстах, как:

«Не бесись, не бесись, старая чертовка!» – проговорил Басаврюк, приправив таким словцом, что добрый человек и уши бы заткнул. Глядь, вместо кошки, старуха с лицом сморщившимся, как печеное яблоко, вся согнутая в дугу; нос с подбородком словно щипцы, которыми щелкают орехи. «Славная красавица!» – подумал Петро, и мурашки пошли по спине его. ***Ведьма*** *вырвала у него цветок из рук, наклонилась и что-то долго шептала над ним, вспрыскивая какою-то водою ...* [Н.Гоголь. Вечер накануне Ивана Купала].

Ведьмой часто считали одиноко живущую женщину, неприветливую, со странностями [Славянская мифология, 1995: 71]. Эти представления актуализируются при использовании слова-мифологемы *ведьма* для характеризации:

Приказчик и Ванюша вывели наконец Клеопатру. Она отбивалась, кусала руки, выворачивалась, дикая, как ***ведьма*** [А.Толстой. Мишука Налымов].

Кроме того, в языковом сознании носителей русского языка существуют определенные коннотации, связанные с этим словом-мифологемой: во-первых, *ведьма* - это ‘злая, сварливая женщина’ [Ожегов: 62]. Ср.:

– Вишь, как ругается! — сказал парубок, вытаращив на нее глаза, как будто озадаченный таким сильным залпом неожиданных приветствий, — и язык у нее, у столетней ***ведьмы****, не заболит выговорить эти слова* [Н.Гоголь. Сорочинская ярмарка].

А жена у него – сущая ***ведьма****: скопидомка, жадная и скупая, все боится, как бы бедному брату от богатого чего не перепало* [Скиталец. Кузнец].

Во-вторых, *ведьмой* называют некрасивую старую или пожилую женщину:

Опять выглянул из-за кривого, – за малым столом сидит Кочубей, рядом с ним Никанор жмется, напротив – Любовь, атаманша, черноватая старуха, к слову сказать, мало похожая на боярыню, а вроде ***ведьмы****, про которую нам чумаки рассказывали* [А.Толстой. Наваждение].

...Многие из них были в самом деле прекрасны ... Зато не знаю ничего отвратительнее грузинских старух: это ***ведьмы*** [А. Пушкин. Путешествие в Азрум во время похода 1829 года].

Гуля одновременно с Джульеткой почувствовала легкое раздражение и совсем уж было предложила партию в «шмине», но неожиданно Сан Саныч, дотоле скромно любовавшийся этими облезлыми, ароматными, ветхими, геркулесовыми дамами, девицами, старыми менадами, ангелицами и ***ведьмами****, Сан Саныч, скромно молчавший весь вечер, тихо произнес: «Гуля, у тебя ужасно дует»* [Л. Улицкая. Гуля].

Следует отметить, что часто при употреблении слова-мифологемы *ведьма* по отношению к женщине имеют место негативные коннотации, связанные с этим образом, а слово стилистически квалифицируется как «*бранное*». Кроме того, бранное выражение *старая ведьма* может употребляться по отношению к женщинам различного возраста:

«А вот к кому ходит дьяк!» – сказала баба с фиолетовым носом, указывая на ткачиху. «Так это ты, сука,– сказала дьячиха, подступая к ткачихе, – так это ты, ***ведьма****, напускаешь ему туман и поишь нечистым зельем, чтоб ходил к тебе». «Отвяжись от меня, сатана!» – говорила пятясь ткачиха. «Вишь, проклятая* ***ведьма****, чтоб ты не дождала детей своих видеть, негодная! Тьфу!…» – тут дьячиха плюнула прямо в глаза ткачихе* [Н. Гоголь. Ночь перед Рождеством].

Не отпускает она меня! И ведь вижу – презирает, ни в грош не ставит, но что-то она во мне усмотрела. На мою беду! Знаешь, я рад, что она уехала, ей-богу. Иной раз думал – убить ее, ***ведьму****. Задушу собственными руками, чтоб не мучила …* [Б. Акунин. Азазель].

Старуха не отвечала ни слова. Германн встал. — ***Старая ведьма****! — сказал он, стиснув зубы, — так я ж заставлю тебя отвечать* [А. Пушкин. Пиковая дама].

Серго отвечал кратко и официально, имени Маргариты никогда не упоминая, тещу же, несмотря на полное внешнее почтение, он и раньше почитал ***старой ведьмой*** [Л. Улицкая. Чужие дети].

...Ну, его и винить нечего, он пень, да и полно. Все это шутки ***старой ведьмы****, которую мы сегодня с хлопцами на мосту ругнули на все бока!..* [Н.Гоголь. Сорочинская ярмарка].

Анализ синтагматических связей позволяет выявить ролевые функции *ведьмы*, а также ассоциации и коннотации, возникающие в связи с этим образом: *злая ведьма, ведьма заколдовала, старая ведьма, верить ведьмам, ведьма погубила душу, страшная ведьма, проклятая ведьма.*

Парадигматически слово-мифологема **ведьма** ***связано с домовым, лешим, кикиморой, русалкой и т.д., поскольку входит в разряд*** **всякой нечисти,** ***что подтверждается такими контекстами, как:***

«Где у вас можно на ***ведьм*** *полюбоваться?» – «Если молоденькие нужны – на пляж иди. А если матерую хочешь увидеть, то к моей теще загляни. Она еще и кровь пьет! Правда, в ступе не летает».– «Нет, мне настоящие нужны. У вас в городе музей новый появился – про* ***всяческую нечисть*** *рассказывают»* [КП Петербург, 16.08.2001].

Однако от остальной нечистой силы *ведьма* отличается тем, что сочетает в себе черты реальной женщины и демона, поскольку, по народным представлениям, ведьмой могла стать обычная женщина.

Важность концепта *ведьма* в русской языковой картине мира доказывается и количеством однокоренных слов: *ведать, ведение, ведомый, ведомо, ведомство, ведун, ведовство, ведовский, ведьмин, ведьмовский, ведьмовать, ведьмак* [см. Тихонов, I, 143-144].

Таким образом, концептуальный анализ концептов-мифологем (и, в частности, исследование актуализации их признаков в художественной и публицистической литературе как один из этапов концептуального анализа) показывает важность данных единиц для русской языковой картины мира. Результаты данного исследования могут быть использованы непосредственно в практике преподавания РКИ, при чтении спецкурса по лингвокультурологии, в практике перевода, в учебной лексикографии и т.д.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды в 2-х т. М., 1995.

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 267-279.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.

Колесов В. В. Жизнь происходит от слова. СПб, 1999.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002.

Ожегов С.И.. Словарь русского языка. М., 1986.

Прохвачева О.Г. Лингвокультурный концепт «приватность» (на материале американского варианта английского языка). Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2000.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1. М., 1985.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. СПб., 1996.

Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.